

М. М. Кром

К СПОРАМ О КОМПОЗИТАРНОМ ХАРАКТЕРЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА КОНЦА XV – XVII В.

За почти полвека, прошедшие с момента первого упоминания термина *composite state* в инаугурационной лекции Гельмута Кенигсбергера (1975)¹, географические рамки использования этого понятия значительно расширились. Кенигсбергер уделил основное внимание испанской монархии Габсбургов, а другие примеры композитарной монархии (Пьемонт-Савойя, Франция, Британия и др.) лишь бегло упомянул². Испанская монархия послужила базовой моделью и для другого британского историка, Джона Эллиотта, статья которого — «Европа составных монархий» (1992) — сыграла решающую роль в распространении этой концепции в мировой историографии³.

В дальнейшем, однако, та же исследовательская оптика была применена к странам Северной и Восточной Европы начала Нового времени. В 1990-х годах шведский историк Харальд Густафссон выдвинул концепцию «конгломератного государства», созвучную идеям Кенигсбергера и Эллиотта и основанную в значительной мере на хорошо знакомом ему скандинавском материале⁴. В начале XXI в. Дэниел Гоффман и Кристофер Струп признали «композитом» Османскую империю⁵, а американские русисты Пол Бушкович и Мэтью Романьелло обнаружили *composite state* в Московии, хотя и разошлись во мнениях относительно времени, когда оно там возникло: Бушкович

¹ Лекция опубликована в виде статьи: *Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe: Dominium Regale or Dominium Politicum and Regale // Theory and Society*, 1978. Vol. 5. No. 2. P. 191–217.

² *Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments...* P. 203–207, 211.

³ *Elliott J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present*. No. 137 (Nov., 1992). P. 48–71.

⁴ *Gustafsson H. The Conglomerate State: A Perspective on State Formation in Early Modern Europe // Scandinavian Journal of History*. 1998. Vol. 23. Nos. 3–4. P. 189–213.

⁵ *Goffman D., Stoop C. Empire as Composite: The Ottoman polity and the typology of dominion // Imperialisms: Historical and literary investigations, 1500–1900 / Ed. by Balachandra Rajan and Elizabeth Sauer*. New York, 2004. P. 129–145.

отнес этот момент к середине XVII в., а Романьелло — к середине XVI в. (позднее он скорректировал свою точку зрения, назвав композитарным уже государство Ивана III)⁶.

Что касается отечественных историков средневековой Руси, то до недавнего времени они, за редкими исключениями⁷, не проявляли особого интереса к проблеме «композитарности». Ситуация изменилась с выходом в 2020 г. статьи А. И. Филюшкина, в которой исследователь поставил вопрос о том, почему Россия так и не стала композитарным государством. По его мнению, Московия рано вступила на путь формирования империи и тем самым «проскочила» стадию композитарного государства. Среди факторов, способствовавших такому развитию, историк назвал слабость соперников Москвы, которые не могли оказать ей сопротивления и заставить ее пойти на компромисс; отсутствие этнического разнообразия, общность религии, языка и культуры в разных регионах и т. д.⁸

В опубликованной следом статье автора этих строк основной тезис и некоторые аргументы А. И. Филюшкина были оспорены. В частности, мне показалось сомнительным само противопоставление империи и композитарного государства: ведь именно империи (и в первую очередь — империя Габсбургов) с самого начала служили исследователям наиболее наглядным примером композитного устройства. Кроме того, я обратил внимание на титулы московских государей XV–XVI вв., содержащих перечни принадлежавших им земель и соответствующих, кажется, именно композитарной модели, а не унитарному государству⁹.

Воспользовавшись любезным предложением редакции *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, в этой работе я намерен продолжить начатую дискуссию, усилив и существенно дополнив ранее сделанные наблюдения.

Прежде всего, следует отметить сложный и неоднозначный характер интересующего нас явления. По сути, термином *composite state* исследователи обозначают, как минимум, три разных категории политических образований: 1) династические унии, то есть союзы нескольких самостоятельных государств (британские историки охотно используют для таких уний труднопереводимый термин *multiple kingdom*, то есть множество королевств,

⁶ *Bushkovitch P.* What is Russia? Russian national identity and the state // *Culture, nation, and identity: The Ukrainian-Russian Encounter, 1600–1945* / Ed. by Andreas Kappeler, Zenon E. Kohut, Frank E. Sysin, and Mark von Hagen. Edmonton and Toronto, 2003. P. 148; *Romaniello M. P.* 1) Ethnicity as social rank: Governance, law, and empire in Muscovite Russia // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 458; 2) *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671*. Madison, 2012. P. 24.

⁷ К числу таких исключений можно отнести В. В. Пенского, см., например: *Пенской В. В.* Раннемодерные государства Европы: От «лоскутных» монархий до «Левиафана» // *Государство созидает: Правовые ресурсы формирования: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического института НИУ БелГУ* / Отв. ред. Е. Е. Тонков. Белгород, 2018. С. 160.

⁸ *Filyushkin A.* Why did Russia not become a composite state? // *Russian History*. 2020. Vol. 47. P. 201–223, особенно 204–208.

⁹ *Кром М. М.* Несколько замечаний по поводу концепции «композитной монархии» и ее применимости к Московскому государству конца XV – XVI в. // *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. P. 472–475.

объединенных под скипетром одного монарха¹⁰); 2) государства, имевшие в своем составе автономные области, нередко обладавшие собственными представительными органами, наподобие *pays d'états* во Франции XVI–XVIII вв., сохранивших право созыва провинциальных штатов; 3) государства, инкорпорировавшие в свой состав ранее самостоятельные области, как это случилось с Уэльсом, полностью утратившим автономию при Генрихе VIII.

Подобное смешение разных категорий можно найти уже у «классиков». Так, Х. Кенигсбергер, перечисляя «составные государства» (*composite states*), упоминает не только монархию Габсбургов с их владениями в Испании, Италии и Нидерландах, не только монархию Гогенцоллернов в Бранденбурге–Пруссии и не только Польшу и Литву, но и Англию с Уэльсом¹¹. А Дж. Эллиотт прямо написал в своей знаменитой статье, что «некоторые раннемодерные государства были явно более сложными (*more composite*), чем другие»¹². Вслед за испанским юристом XVII в. Хуаном де Солорсано Перейрой он предложил различать два способа присоединения новых территорий. Первый из них, названный «вспомогательным» (*accessory*) союзом, означал полную инкорпорацию территории в состав Короны; по мнению Эллиотта, примером может служить включение Уэльса в состав Английского королевства согласно актам 1536 и 1543 гг. Второй, названный Перейрой «равноправным» союзом (*aeque principaliter*), предусматривал сохранение за присоединенными королевствами их законов и прочих атрибутов государственности. Большинство европейских владений испанской монархии относились к этой второй категории¹³.

Таким образом отношения между политическим центром и присоединенными территориями могли складываться по-разному, степень их самостоятельности варьировалась в широких пределах, но даже в случае полной потери автономии какой-либо областью структура государства в целом оставалась гетерогенной (композиционной).

Этот вывод соответствует ключевому пункту концепции Кенигсбергера–Эллиотта, согласно которому именно сложное по составу (композиционное) государство, а не унитарное или национальное, являлось *основной* формой политической организации в Европе раннего Нового времени¹⁴. Следовательно, если британские историки правы и «композиционность» была неотъемлемой чертой абсолютного большинства раннемодерных государств, то можно предположить, что в той или иной мере эта черта была присуща и Московскому государству конца XV – XVII в.

Высказанное предположение кажется тем более вероятным, что Московское царство, как уже отмечено в научной литературе, обладало рядом фундаментальных признаков государства раннего Нового времени, включая суверенитет, тенденцию

¹⁰ *Wormald J.* The Creation of Britain: Multiple Kingdoms or Core and Colonies? // *Transactions of the Royal Historical Society.* 1992. Vol. 2. P. 175–194; *Russell C.* Composite Monarchies in Early Modern Europe: The British and Irish Example // *Uniting the Kingdom? The Making of British History*, ed. Alexander Grant and Keith Stringer. London and New York, 1995. P. 170–190.

¹¹ *Koenigsberger H. G.* Monarchies and Parliaments... P. 202.

¹² *Elliott J. H.* A Europe of Composite Monarchies. P. 51.

¹³ *Elliott J. H.* A Europe of Composite Monarchies. P. 52–53.

¹⁴ *Koenigsberger H. G.* Monarchies and Parliaments... P. 202; *Elliott J. H.* A Europe of Composite Monarchies. P. 50–51.

к деперсонализации управленческих функций и бюрократизации административного аппарата¹⁵.

Попробуем проверить нашу гипотезу, рассмотрев проблему отношений центра и регионов в Московском государстве с двух сторон: со стороны правителей и со стороны местных элит.

Если нас интересует, как сами московские государи представляли себе подвластную им территорию, то лучшим источником по этому вопросу являются титулы великих князей и царей. По удачному выражению А. И. Филюшкина, «владельческая титулатура выступает в какой-то степени как “конструирование” страны, идеальный образ»¹⁶.

Начиная с середины XV в., с договора великого князя Василия II с польским королем и литовским великим князем Казимиром (1449 г.), титул московского государя включал в себя перечень подвластных ему земель, и с течением времени этот перечень становился все длиннее: Василий II в упомянутом выше договоре с Казимиром назван великим князем Московским, Новгородским, Ростовским, Пермским «и иных»¹⁷; его сын и преемник Иван III добавил к титулу определения «Владимирский», «Псковский», «Тверской», «Югорский» и «Болгарский» и опустил определение «Ростовский», так что к 1494 г. объектная часть титула насчитывала восемь элементов¹⁸. Еще сильнее титул расширился в правление Василия III¹⁹, а к концу царствования Ивана IV он содержал уже 25 определений:

«Царь и великий князь... всеа Русии, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, царь Астараханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и иных»²⁰.

Разумеется, было бы ошибкой видеть в государевом титуле точное отражение соответствующей политической реальности: порой упоминание в нем того или иного города означало притязание, а не фактическое владение, и вообще, как справедливо отметил А. И. Филюшкин, мотивы и критерии включения ряда земель в великокняжеский или царский титул зачастую неясны²¹. Но для изучения саморепрезентации русской монархии XV–XVI вв. значение титулов трудно переоценить: они наглядно свидетельствуют о том, что государство мыслилось как множество отдельных земель, каждая из которых являлась особым владением государя.

¹⁵ Kivelson V. Merciful Father, Impersonal State: Russian autocracy in comparative perspective // *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. No. 3. P. 640, 663; Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 18–19, 75, 121–134, 233–238.

¹⁶ Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 198.

¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 53. С. 160.

¹⁸ Так титул выглядел в мирном докончании с Литвой, заключенном 5 февраля 1494 г. (СИРИО. Т. 35. СПб., 1882. № 24. С. 125).

¹⁹ Филюшкин А. И. Титулы... С. 200–201.

²⁰ Титул содержится в грамоте Ивана IV королеве Елизавете Английской, июль 1582 г. (СИРИО. Т. 38. СПб., 1883. № II. С. 9).

²¹ Филюшкин А. И. Титулы... С. 196, 199, 203, 209–210.

Тот же образ страны мы видим и в летописании XVI в. Так, в «Летописце начала царства» в каждом сообщении о прибытии иностранных послов ко двору юного Ивана IV (1534) неизменно говорится, что они «здравствоваше великого государя Ивана Васильевича всеа Руси на государствах» (или, в другом варианте, «здравствовали великого князя на великих государствах»)²². Множественное число здесь указывает на принадлежавшие великому князю земли, которые, в соответствии с государевым титулом, вероятно, перечисляли послы, поздравляя Ивана IV со вступлением на престол.

Множественное число употребляется в той же летописи и при упоминании территории страны. Например, неоднократно повторявшаяся в 1530-х гг. просьба ногайских мурз о разрешении им торговли лошадьми в изложении летописца звучала следующим образом: «а писали мурзы в грамотах, чтобы их князь великий жаловал дружбою с собою и людем их ослободил в свои государства ходити торговати с коньми и с ыными товараы»²³.

Подобные представления о Московском царстве как о гетерогенном и сегментированном пространстве, состоявшем из множества отдельных земель, были характерны для подданных русского государя и полтора века спустя. На картах Сибири, составленных Семеном Ремезовым в конце XVII в., яркими разноцветными кружками тщательно обозначены места обитания различных народов; при этом лоскутная (в буквальном смысле!) империя не имела внешних («государственных») границ: как разъясняет Валери Кивельсон, Ремезов и другие картографы его времени «не считали «империю» единым политическим образованием с четкими формой, определением и границами»²⁴.

Таким образом, по крайней мере, на базовом ментальном уровне Россия конца XV – XVII в. была сложносоставным государством: и титулы государей, и словоупотребление летописца середины XVI в., и русские карты XVII в. отражают представление о стране как о множестве разных по происхождению и статусу земель.

На это можно возразить, что между идеальными представлениями и реальной политикой всегда существует некий зазор. Поэтому следует внимательно присмотреться к тому, как менялся курс центрального правительства по отношению к новоприсоединенным территориям на разных этапах существования Московского государства.

Иван III, создатель Московского государства, жестко подавлял силой попытки открытого сопротивления его власти: Великий Новгород, потерпев поражение в прямом противостоянии с Москвой, утратил независимость и ее символ — вечевой колокол. Но к тем, кто выражал покорность, великий князь относился значительно терпимее, и поэтому псковичи, признавшие себя его «отчиной»²⁵, сумели сохранить внутреннюю автономию, включая институты управления (князь-наместник, вече, степенные посадники)²⁶ и собственное законодательство (Псковскую Судную грамоту).

²² ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 12, 16–17, 28–29.

²³ ПСРЛ. Т. 29. С. 28; повторяется далее с небольшими вариациями: Там же. С. 31, 33, 35, 37 и др.

²⁴ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой. М., 2012. С. 247–252.

²⁵ С начала 1460-х гг. в посольствах к великому князю Московскому псковичи неизменно называли себя его «отчиной», но при этом — «добровольными людьми», см.: Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 58, 61 и др.

²⁶ Об институтах управления Пскова второй половины XV в. см. подробнее: Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. С. 130–134,

Показательно также, что после капитуляции в 1485 г. Твери, не оказавшей сопротивления московским войскам, великое княжение Тверское не было сразу ликвидировано: как особое политическое образование оно продолжило существовать еще примерно полтора десятилетия; его главой считался наследник престола — старший сын Ивана III Иван Молодой, а после его смерти в 1490 г. тверской стол перешел к другому сыну государя — княжичу Василию Ивановичу²⁷. Продолжала существовать и тверская боярская дума, в которой, по наблюдениям Б. Н. Флори, сохранили свои места представители местной знати²⁸.

Наряду с номинально существовавшим великим княжеством Тверским в конце правления Ивана III под его контролем находилось еще одно великое княжество — Рязанское: здесь в 1464–1483 гг. правил князь Василий Иванович; восьмилетним мальчиком после ранней смерти отца (1456) он был взят на воспитание в Москву, а впоследствии женился на младшей сестре Ивана III — Анне Васильевне. После смерти князя Василия (1483) рязанский стол перешел к его старшему сыну Ивану Васильевичу — племяннику и полному тезке Ивана III²⁹.

Проанализировав московско-рязанские княжеские докончания XV в., В. Д. Назаров охарактеризовал тип связей рязанских князей с московским государем как союзно-вассальный, но при этом, по мнению исследователя, внутри своего княжества рязанский правитель полностью сохранял властные prerogatives в отношении территории и населения³⁰.

Летом 1487 г. Ивану III удалось подчинить себе Казанское ханство: русские воеводы взяли после длительной осады Казань и посадили на ханский престол Мухаммед-Амина. В течение последующих 18 лет (до 1505 г.) ханство находилось под московским протекторатом: все вопросы, связанные с внешней политикой и престолонаследием, казанцы должны были согласовывать с великим князем³¹.

Наконец, для полноты картины следует еще упомянуть татарский анклав в самой Руси (в Мещере) — Касимовское царство³², а также уделы северских князей, перешедших на сторону Ивана III в ходе войн Московского государства с Великим княжеством Литовским на рубеже XV–XVI вв.³³

И все это пестрое множество очень разных по статусу, происхождению и внутренней структуре земель объединяла только фигура верховного правителя — государя «всея Руси». Поэтому, на мой взгляд, трудно не согласиться с мнением Мэтью Романьелло,

180–182, 214–218.

²⁷ Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 283.

²⁸ Флоря Б. Н. О путях политической централизации... С. 283–284.

²⁹ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 213–218.

³⁰ Назаров В. Д. Юриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 393, 395.

³¹ Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016. С. 93.

³² Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.): Очерки истории. Казань, 2009.

³³ О судьбе этих князей и их владений см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 137–142.

отметившим более десяти лет назад, что государство, созданное Иваном III, «лучше всего можно было бы описать как “composite monarchy”»³⁴.

В правление Василия III (1505–1533) большинство автономных образований, за исключением Касимовского царства, прекратили свое существование: в 1510 г. лишился остатков самоуправления Псков, а к началу 1520-х гг. были ликвидированы великое княжество Рязанское и уделы северских князей³⁵. И все же вряд ли стоит считать Василия III бескомпромиссным сторонником унитаризма.

Летом 1514 г., во время последней осады Смоленска, московский государь, стремясь ускорить капитуляцию города, выдал его жителям две жалованные грамоты: одна была адресована всей Смоленской земле, а другая — отдельно мещанам. До нашего времени дошел только первый документ: в нем всему населению давалась гарантия от «розводу», то есть от выселения из родных мест, а мещанам и «черным людям» предоставлялись существенные податные льготы³⁶.

Жалованная грамота уже вскоре утратила силу, после того, как в Смоленске осенью того же года был раскрыт пролитовский заговор,³⁷ но неудачный «эксперимент» 1514 г. показывает, что великий князь при определенных условиях был готов идти на уступки местному населению — если это облегчало ему задачу по присоединению новых территорий.

Подобные попытки привлечь на свою сторону горожан, но только в большем масштабе, были предприняты позднее Иваном IV в Ливонии. Так, царские жалованные грамоты Нарве и Дерпту (Юрьеву) гарантировали сохранение прежнего (протестантского) вероисповедания и удовлетворяли часть требований городских магистратов³⁸. По справедливому замечанию А. И. Филюшкина, политика царя на покоренных ливонских землях поначалу напоминала композитарное государство³⁹.

Самым ярким проявлением этого курса стало создание вассального Ливонского «королевства» во главе с герцогом Магнусом, братом датского короля⁴⁰. Хотя затея кончилась полным провалом, сам этот проект, а также условия унии между Речью Посполитой и Московским государством, предложенные царем в связи с выдвижением его кандидатуры на польский престол во время «бескоролья» 1574–1576 гг.⁴¹,

³⁴ *Romaniello M. P.* The Elusive Empire... P. 24.

³⁵ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 112–123, 208–209, 254–256.

³⁶ Текст жалованной грамоты см.: *Собрание государственных грамот и договоров.* М., 1813. Ч. 1. № 148. С. 411–413.

³⁷ См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 167.

³⁸ Текст жалованной грамоты Дерпту от 6 сентября 1558 г. в русском переводе XVII в. см.: *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. Прил. С. 689–694.

³⁹ *Filyushkin A.* Why Did Russia Not Become a Composite State? P. 221.

⁴⁰ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. (1544–1648). Т. I. СПб., 1893. С. 535–541; *Селарт А.* Иван Грозный, Кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2013. № 2. С. 180–197.

⁴¹ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – XVII в. М., 1978. С. 100–102, 113–114.

свидетельствуют о том, что идея сложносоставной монархии была отнюдь не чужда русскому государю.

К проектам такого рода российские дипломаты вернулись в середине XVII в., и, когда речь зашла о принятии под «высокую государеву руку» Запорожского войска, казацкой старшине во главе с Богданом Хмельницким была предоставлена по мартовским статьям 1654 г. очень широкая автономия, включая даже ограниченное право внешних сношений⁴².

По мнению П. Бушковича, именно с этого момента Московское государство стало композитарным⁴³. Я же полагаю, что оно было таковым со времени своего возникновения, то есть с эпохи Ивана III.

Разумеется, в отношениях между политическим центром и регионами многое зависело от местных элит — от их сплоченности, наличия органов самоуправления и готовности защищать свои права и привилегии. А. И. Филюшкин полагает, что всего этого не было у тех политических образований, с которыми пришлось иметь дело правителям Московского государства в период его формирования. Соперники Москвы были слишком слабы, что обусловило ненужность компромиссов с ними, а следовательно — и композитарного устройства⁴⁴.

Доля истины в этом утверждении, безусловно, есть. За исключением Новгорода и Пскова, на Руси не было крупных городов с развитыми политическими институтами и традициями самоуправления, а в многочисленных больших и малых княжествах местная династия оставалась единственной организующей силой, и в случае ее поражения судьба княжества зависела исключительно от воли победителя.

Сказанное объясняет, почему некогда могущественные Тверское и Рязанское княжества, гордо именовавшиеся «великими», столь быстро исчезли с политической карты в начале XVI в. Однако в эту простую и логичную схему никак не вписывается тот факт, что государство Ивана III, как показано выше, было по всем признакам сложносоставным (композитарным).

Когда московский государь по «челобитью» псковичей отпускал князя-наместника в их город⁴⁵, он тем самым подтверждал соглашение с ними. Аналогично выстраивались отношения Ивана III с казанцами, получавшими очередного хана «из рук» великого князя⁴⁶. И сохранение прежнего состава тверской боярской думы после 1485 г., и долгое существование Рязанского великого княжества под протекторатом Москвы, — все это примеры компромиссов, на которые шел Иван III с местными элитами. Поскольку о принуждении с их стороны ни в одном из упомянутых случаев говорить не приходится, остается предположить, что подобная политика проводилась великим князем по собственной воле.

Ее смысл можно объяснить разумным прагматизмом государя: таким способом при экономии собственных военных усилий ему удалось существенно расширить пределы своей державы. Очевидно, признание верховной власти государя «всей Руси», отказ

⁴² См.: Яковенко Н. Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. С. 463.

⁴³ Bushkovitch P. What is Russia?.. P. 148.

⁴⁴ Filyushkin A. Why did Russia not become a composite state? P. 201, 204–206.

⁴⁵ См.: Псковские летописи. Вып. 1. С. 58, 59, 61–63, 65 и др.

⁴⁶ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 43–46, 50–52.

от права внешних сношений и присылка воинских отрядов в великокняжескую армию во время больших кампаний были основными условиями компромисса с теми землями, княжествами или ханствами, которые еще сохраняли автономию. В их внутреннее управление и суд Иван III не вмешивался.

При следующем великом князе, Василии III, темп «собирания земель» резко замедлился: по сути, единственным крупным приобретением стала Смоленская земля, в борьбе за которую, как мы помним, московский государь использовал в качестве аргумента не только пушки, но и жалованные грамоты. Что же касается ранее присоединенных земель, то Василий III, по-видимому, считал свою власть над ними настолько прочной, что решился на ликвидацию псковского веча, а также Рязанского великого княжества и северских уделов.

Нечто подобное можно найти и в истории Франции XVI–XVIII вв., где некогда самостоятельные герцогства и графства постепенно теряли свой особый статус и собственные институты управления, переходя под прямой контроль королевской власти, но там этот процесс растянулся на несколько столетий и не был завершен даже накануне Революции 1789 г.⁴⁷, а на Руси такие метаморфозы совершались при жизни одного-двух поколений.

Французский историк Ролан Мунье отмечал контраст между Россией с ее обширными ровными пространствами и Францией, которую «сама природа» поделила на небольшие части: «России, — продолжал он, — недоставало этих сильных территориальных сообществ, маленьких отчизн, которые во Франции давали приют каждому восстанию, объединяя локальные группы для защиты местных привилегий и свобод»⁴⁸.

Действительно, в отличие от французских областей, русские земли описываемого времени не могли похвастаться ни развитым чувством местной солидарности, ни наличием собственных законов и органов сословного представительства типа провинциальных штатов. Однако слабость российских регионов, на мой взгляд, не стала препятствием для формирования композитарного государства.

Дело в том, что инициатива создания такого государства практически всегда исходила от монарха; он обращался с соответствующими предложениями к другим монархам и лидерам местных сообществ. В свою очередь, от элиты той или иной страны или региона зависело, какую форму примет будущий политический союз.

Из нескольких форм композитарной монархии, упомянутых в начале этой статьи, наибольшей известностью среди историков пользуется союз двух или нескольких государств, то есть династическая уния (*aeque principaliter*, по терминологии Дж. Эллиотта), а более скромный «вспомогательный» (*accessory*) союз, при котором происходит инкорпорация ранее самостоятельной области в уже существующее государство, незаслуженно остается в тени. Между тем эта форма сложносоставной монархии была гораздо шире распространена в странах Европы, и именно она существовала в Московском государстве.

⁴⁷ О проблеме интеграции французских регионов на примере Бретани см.: Сказкин С.Д. Франция первой половины XVI века // История Франции в трех томах. Т. I. М., 1972. С. 151–153; Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции: Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. М., 2005. С. 74–94.

⁴⁸ Mousnier R. Peasant uprisings in seventeenth-century France, Russia, and China / Transl. by B. Pearce. New York, etc., 1972. P. 159.

Таким образом, изучение политики центральных властей по отношению к присоединенным областям на протяжении конца XV – середины XVII в. привело нас к тому же выводу, что и анализ представлений современников о территории страны, с которого мы начали эту статью: Московское государство с момента своего возникновения носило сложносоставной (композитарный) характер. При этом формы отношений центра и периферии менялись с течением времени: на смену очень широкой автономии, которую получали земли, княжества и ханства, признавшие верховную власть Ивана III, в XVI в. пришел более жесткий контроль над присоединенными территориями, а в середине XVII в., с принятием Левобережной Украины (Запорожского войска) под защиту русского царя, в составе Московского государства вновь оказалась обширная автономная область.

Тем самым подтверждается исходная гипотеза о том, что гетерогенная (композитарная) структура являлась неотъемлемым свойством раннемодерной государственности. Московская Русь вовсе не была в этом отношении каким-то исключением.

Информация о статье

Автор: Кром, Михаил Маркович — доктор исторических наук, профессор, факультет истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; ORCID ID 0000-0002-1703-5475, Researcher ID ABE-5068-2020, Scopus ID 26034110100, Author ID 611527; e-mail: krom@eu.spb.ru

Заголовок: К спорам о композитарном характере Московского государства конца XV – XVII в.

Резюме: В основу статьи положена гипотеза о том, что сложная гетерогенная структура являлась неотъемлемым свойством всех раннемодерных государств, включая Московию конца XV – XVII в. Проверка этой гипотезы на российском материале проводится в статье двумя способами: во-первых, через анализ представлений современников о территории страны, а во-вторых — через изучение политики центральных властей в отношении присоединенных земель на протяжении полутора столетий. На основе анализа титулов великих князей и царей, летописной терминологии XVI в. и русских карт XVII в. делается вывод о том, что в представлении государей и их подданных страна мыслилась состоящей из множества отдельных земель, объединенных фигурой монарха. При изучении правительственного курса в отношении присоединенных земель особое внимание в статье уделено объединительной политике Ивана III — создателя Московского государства. Показано, что его держава по всем признакам представляла собой композитарную монархию. Территориальная структура страны и в дальнейшем оставалась неоднородной, но формы отношений центра и периферии со временем менялись: в XVI в. число автономных образований заметно сократилось, возрос контроль над регионами, однако «эксперименты» Ивана IV в Ливонии, вроде создания вассального «королевства» герцога Магнуса, показывают, что при определенных условиях русские государи не были чужды идее сложносоставной монархии. Наконец, в середине XVII в. с установлением протектората над Запорожским войском (Левобережной Украиной) подобная модель была реализована на практике, и в составе Российского царства вновь появилась большая автономная область.

Ключевые слова: композитарная монархия, автономия, унитаризм, Европа раннего Нового времени, Московское государство, Иван III, Иван IV

Литература, использованная в статье:

Вовин, Алексей Александрович. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 398 с.

Зимин, Александр Александрович. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). Москва: Мысль, 1972. 452 с.

Зимин, Александр Александрович. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. Москва: Наука, 1988. 350 с.

Кивельсон, Валери. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

Кром, Михаил Маркович. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

Кром, Михаил Маркович. Несколько замечаний по поводу концепции «композиционной монархии» и ее применимости к Московскому государству конца XV – XVI в. // *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. P. 461–478.

Ле Руа Ладюри, Эммануэль. История регионов Франции: Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2005. 432 с.

Назаров, Владислав Дмитриевич. Юриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // *Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина*. Москва: Языки славянской культуры, 2010. С. 382–427.

Рахимзянов, Булат Раимович. Касимовское ханство (1445–1552 гг.): Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.

Рахимзянов, Булат Раимович. Москва и татарский мир: Сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. Санкт-Петербург: Евразия, 2016. 396 с.

Селарт, Анти. Иван Грозный, Кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2. С. 180–197.

Сказкин, Сергей Данилович. Франция первой половины XVI века // *История Франции в трех томах*. Т. 1. Москва: Наука, 1972. С. 151–180.

Филюшкин, Александр Ильич. Титулы русских государей. Москва; Санкт-Петербург: «Альянс-Архео», 2006. 256 с.

Филюшкин, Александр Ильич. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.

Флоря, Борис Николаевич. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // *Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина*. Москва: Наука, 1975. С. 281–290.

Флоря, Борис Николаевич. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва: Наука, 1978. 302 с.

Яковенко, Наталья Николаевна. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время / Пер. В. Рыжковского. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 768 с.

Bushkovitch, Paul. What is Russia? Russian national identity and the state // *Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter, 1600–1945* / Ed. by Andreas Kappeler, Zenon E. Kohut, Frank E. Sysin, and Mark von Hagen. Edmonton and Toronto: University of Alberta Press, 2003. P. 144–161.

Elliot, John H. A Europe of composite monarchies // *Past & Present*. 1992. No. 137. P. 48–71.

Filyushkin, Alexander. Why did Russia not become a composite state? // *Russian History*. 2020. Vol. 47. P. 201–223.

Goffman, Daniel; Stroop, Christopher. Empire as composite: The Ottoman Polity and the typology of dominion // *Imperialisms: Historical and Literary Investigations, 1500–1900* / Ed. by Balachandra Rajan and Elizabeth Sauer. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 129–145.

Gustafsson, Harald. The Conglomerate State: A Perspective on State Formation in Early Modern Europe // *Scandinavian Journal of History*. 1998. Vol. 23. Nos. 3–4. P. 189–213.

Kivelson, Valerie. Merciful Father, impersonal state: Russian autocracy in comparative perspective // *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. No. 3. P. 635–663.

Koenigsberger, Helmut G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe: *Dominium Regale* or *Dominium Politicum* and Regale // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. No. 2. P. 191–217.

Mousnier, Roland. Peasant uprisings in seventeenth-century France, Russia, and China / Transl. by B. Pearce. New York, etc.: Harper & Row, 1972. 358 p.

Romaniello, Matthew P. Ethnicity as social rank: Governance, law, and Empire in Muscovite Russia // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 447–469.

Romaniello, Matthew P. The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2012. 297 p.

Russell, Conrad. Composite monarchies in Early Modern Europe: The British and Irish example // *Uniting the Kingdom? The making of British history* / Ed. Alexander Grant and Keith Stringer. London; New York: Routledge, 1995. P. 170–190.

Wormald, Jenny. The Creation of Britain: Multiple kingdoms or core and colonies? // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1992. Vol. 2. P. 175–194.

Information about the article

Author: Krom, Mikhail — Dr. Sc. in History, Professor, Department of History, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; Orc ID 0000-0002-1703-5475, Researcher ID ABE-5068-2020, Scopus ID 26034110100, Author ID 611527; email: krom@eu.spb.ru

Title: A Contribution to the debate on the composite character of the Muscovite state, from the late 15th through the 17th century

Summary: The paper is based on an assumption that all early modern states, including Muscovy, had a complex and heterogenetic structure. This hypothesis is tested, first, through an analysis of ideas that people had about the territory of the realm and, second, through a survey of the policy pursued by the center in relation to the annexed regions in the course of a century and a half. An analysis of the grand princes' and the tsars' titles, as well as of the 16th-century chronicles' terminology and of the 17th-century Russian maps leads to a conclusion that both rulers and their subjects perceived the country as a multitude of lands united only by the figure of the monarch. Regarding Moscow's policy towards the newly acquired lands, special attention is paid to the integrative course of Ivan III, the founder of the Muscovite state. His realm proves to have been a real composite monarchy on every account. After his reign, the territorial structure of the country remained heterogeneous but the relations between the center and the periphery changed: in the 16th century, the number of autonomous political units sharply decreased and the control over the regions was tightened; however, Ivan IV's «experiments» in Livonia (like Duke Magnus's vassal «kingdom») demonstrate that the Russian rulers were not absolutely alien to the idea of a composite monarchy. Finally, such a model was realized in the middle of the 17th century, when the Left-Bank Ukraine was turned into the Muscovite protectorate and thus a new big autonomous region entered the Russian Tsardom.

Keywords: composite monarchy, autonomy, Unitarianism, early modern Europe, Muscovite state, Ivan III, Ivan IV

References:

- Bushkovitch, Paul. What is Russia? Russian national identity and the state, in Andreas Kappeler, Zenon E. Kohut, Frank E. Sysin, and Mark von Hagen (eds.). *Culture, nation, and identity: The Ukrainian-Russian encounter, 1600–1945*. Edmonton and Toronto: University of Alberta Press, 2003. Pp. 144–161.
- Elliot, John H. A Europe of composite Monarchies, in *Past and Present*. 1992. No. 137. Pp. 48–71.
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. *Tituly russkikh gosudarei* [The Titles of the Russian Sovereigns]. St. Petersburg: Alians-Arche Publ., 2006. 256 p. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. *Izobretaya pervuyu voinu Evropy i Rossii: Baltiiskie voyny vtoroy poloviny 16 veka glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing the First War between Europe and Russia: The Baltic Wars of the second half of the 16th century through the eyes of contemporaries and descendants]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2013. 845 p. (in Russian).
- Filyushkin, Alexander. Why did Russia not become a composite state?, in *Russian History*. 2020. Vol. 47. Pp. 201–223.
- Florya, Boris Nikolaevich. O putiakh tsentralizatsii Russkogo gosudarstva (Na primere Tverskoy zemli) [On the Ways of the Russian State's Centralization (The Case of the Tver' Land)], in *Obschestvo i gosudarstvo feodalnoy Rusi: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu akademika L. V. Cherepnina*. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 281–290. (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. *Russko-polskiye otnosheniya i politicheskoye razvitie Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII v.* [The Russian-Polish relations and the political development of Eastern Europe in the second half of the 16th and early 17th century]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 302 p. (in Russian).
- Goffman, Daniel & Stroop, Christopher. Empire as composite: The Ottoman Polity and the typology of dominion, in Balachandra Rajan and Elizabeth Sauer (eds.). *Imperialisms: Historical and literary investigations, 1500–1900*. New York: Palgrave Macmillan, 2004. Pp. 129–145.
- Gustafsson, Harald. The Conglomerate state: A perspective on state formation in Early Modern Europe, in *Scandinavian Journal of History*. 1998. Vol. 23. No. 3–4. Pp. 189–213.
- Kivelson, Valerie. Merciful Father, impersonal state: Russian autocracy in comparative perspective, in *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. No. 3. Pp. 635–663.
- Kivelson, Valerie. *Kartografii tsarstva: Zemlya i eye znacheniya v Rossii 17 veka* [Cartographies of the Tsardom: Land and its meanings in 17th century Russia]. Transl. by Nataliya Mishakova. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012. 360 p. (in Russian).
- Koenigsberger, Helmut G. Monarchies and parliaments in Early Modern Europe: Dominium regale or dominium politicum and regale, in *Theory and Society*. 1978. Vol. 5, no. 2. Pp. 191–217.

- Krom, Mikhail Markovich. *Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [The Birth of the state: Muscovite Rus in the 15th and 16th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 256 p. (in Russian).
- Krom, Mikhail Markovich. Neskol'ko zamechaniy o kontseptsii «kompositnogo gosudarstva» i ego primenimosti k Moskovskomu gosudarstvu kontsa XV – XVI v. [Some notes on the concept of «composite monarchy» and its applicability to the Muscovite state of the late 15th and 16th century], in *Canadian-American Slavic Studies*. 2022. Vol. 56. Pp. 461–478. (in Russian).
- Le Roy Ladurie, Emmanuel. *Istoriya regionov Frantsii: Periferiynye regiony Frantsii ot istokov do nashikh dney* [A History of the Regions of France: The Peripheral Regions of France from the Origins to the Present]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
- Mousnier, Roland. *Peasant uprisings in seventeenth-century France, Russia, and China*. Transl. by B. Pearce. New York, etc.: Harper & Row, 1972. 358 p.
- Nazarov, Vladislav Dmitrievich. Ryurikovichi Severo-Vostochnoy Rusi v XV veke (O tipologii i dinamike knyazheskikh titulov) [The Rurikids of North-Eastern Rus in the 15th century (On the typology and dynamics of the Princely titles)], in *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya)*: Collection of articles. Moscow: Yazyki slavianskoy kultury Publ., 2010. Pp. 382–427. (in Russian).
- Rakhimzianov, Bulat Raimovich. *Kasimovskoye khanstvo: Ocherki istorii (1445–1552 gg.)* [The Khanate of Kasimov: Essays in History (1445–1552)]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 2009. 207 p. (in Russian).
- Rakhimzyanov, Bulat Raimovich. *Moskva i tatarskiy mir: Sotrudnichestvo i protivostoyaniye v epokhu pere-men, XV–XVI vv.* [Moscow and the Tatar World: Cooperation and confrontation in the age of changes, 15th and 16th centuries]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2016. 396 p. (in Russian).
- Romaniello, Matthew P. Ethnicity as social rank: Governance, law, and Empire in Muscovite Russia, in *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. Pp. 447–469.
- Romaniello, Matthew P. *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671*. Madison; Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2012. 297 p.
- Russell, Conrad. Composite monarchies in Early Modern Europe: The British and Irish example, in Alexander Grant and Keith Stringer (eds.). *Uniting the Kingdom? The making of British history*. London; New York: Routledge, 1995. Pp. 170–190.
- Selart, Anti. Ivan Grozniy, Kaiser Livonskiy? K istorii vozniknoveniya idey o rossiyskom vassal'nom gosudarstve v Livonii [Ivan the Terrible, the Emperor of Livonia? Addenda to the history of the origins of the idea of the Russian vassal state in Livonia], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. No. 2. Pp. 180–197. (in Russian).
- Skazkin, Sergey Danilovich. Frantsiya pervoy poloviny XVI veka [France in the 1st half of the 16th century], in *Istoriya Frantsii*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1972. Pp. 151–180. (in Russian).
- Vovin, Alexey Alexandrovich. *Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: XIV – nachalo XVI v.* [The city commune of Medieval Pskov, from the 14th to the Early 16th century]. St. Petersburg: Publishing house Evropeyskogo universiteta in St. Petersburg, 2019. 398 p. (in Russian).
- Wormald, Jenny. The Creation of Britain: Multiple Kingdoms or core and colonies?, in *Transactions of the Royal Historical Society*. 1992. Vol. 2. Pp. 175–194.
- Yakovenko, Nataliya Nikolayevna. *Ocherki istorii Ukrainy v sredniye veka i ranneye Novoye vremya* [Essays in the History of the Ukraine in the Middle Ages and Early Modern Age]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012. 768 p. (in Russian).
- Zimin, Alexandr Alexandrovich. *Rossiya na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia at the dawn of the New Age (Essays in political history of Russia in the first third of the 16th century)]. Moscow: Mysl' Publ., 1972. 452 p. (in Russian).
- Zimin, Alexandr Alexandrovich. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV – pervoy treti XVI veka* [The formation of the boyar aristocracy in Russia from the second half of the 15th to the 1st third of the 16th century]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 350 p. (in Russian).